

С.Н.Рыжов

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ТОМАШОВСКОЙ ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

S.N.Ryzhov. Painted Pottery of the Tomashovka Local-Chronological Group of the Tripolye Culture.

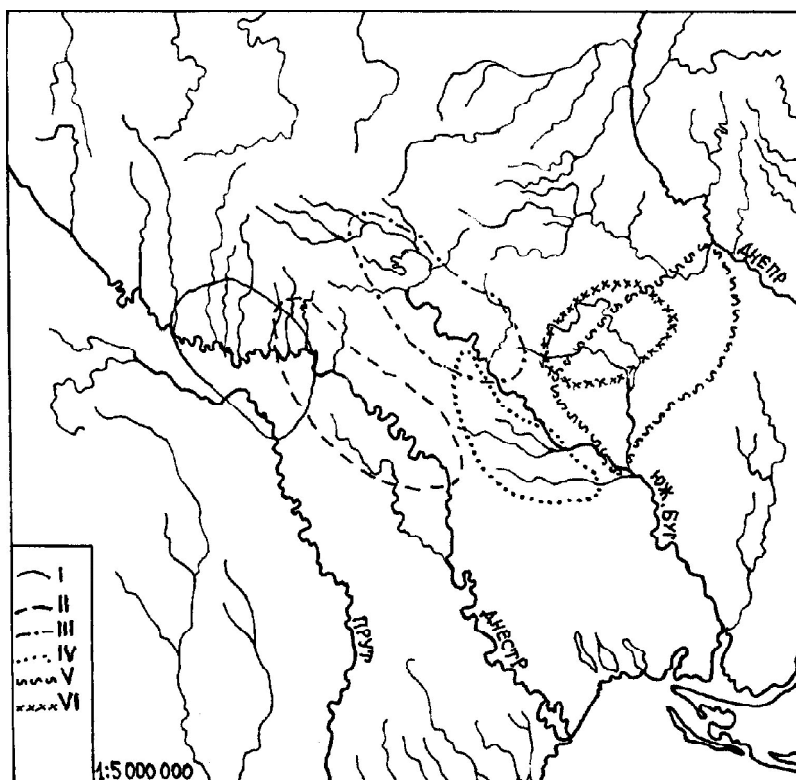
The monuments of the Tomashovka group are in the Bug-Dniester area and concern to a stage C I of the development of the Tripolye culture. The given group alongside with the earlier Vladimirovka and Nebelevka groups make a uniform evolutionary line of the development, which genetic roots are fixed in "western" Cucuteni monuments of the Ariusd-Cucuteni-Tripolye generality. Among a ceramic complex of group to technological, morphological, stylistic attributes the restaurant (painted) utensils is determined. Under the form 11 types of vessels are allocated. In a painting is established 7 ornamental schemes for bowls and 12 schemes for other types. The Tomashovka utensils continues the local potter traditions of the Nebelevka group, but on its formation the ceramics of the Shipenets (Dniestr area) and Chechelnic (Bug area) groups also has rendered strong influence. In turn, the Tomashovka group ceramics influenced on the development of the Chechelnic utensils, and stylistic borrowings and straight linees imports of vessels were fixed in the complexes of the Petreny group settlements. The Tomashovka group imports are fixed even in materials of the Cucuteni settlements. Some of Tomashovka and Chechelnic groups elements of ornaments, but already in the transformed kind, meet on the vessels of monuments such as Varvarovka XV, which mark transition to the Latest Tripolye.

Памятники томашовской локально-хронологической группы находятся в Буго-Днепровском междуречье (рис. 1) и относятся к «западной» генетической линии развития трипольской культуры (этап С-I по периодизации Т.С. Пассек). Поселения группы были открыты на рубеже XIX-XX веков — Тальное, Попудня, Старая Буда, Чичиркозовка, Томашовка и др. (Доманицкий 1899: 174-176, 1901; Беляшевский 1900; Спицин 1904; Долинский 1904; Якимович 1909; 1910; Куринний 1926: 54-60; 1927; Козловська 1926: 43-63; 1927). В 20-30 годах археологи, подчеркивая своеобразие указанных памятников, уже употребляют термин «поселения томашовского (сушковского) типа», но только в начале 80-х годов стало возможным выделение томашовской локально-хронологической группы на современном методологическом уровне (Мовша 1980; 1984; 1989: 206-263; 1988; Круц, Рижов 1985; Рижов 1985: 46-47; 1987). Памятники группы рассматриваются либо в рамках томашовской культуры (Мовша 1984: 66; 1988; 1990), либо как отдельная группа, которая наравне с владимировской и небелевской группами, составляют единую эволюционную линию (Круц, Рижов 1985:66; Рижов 1987; Круц 1989; Відейко 1992: 6). Керамика поселений группы привлекала внимание многих исследователей, но ее изучение носило, преимущественно, описательный характер. Первая попытка классификации трипольской посуды, в частности томашовской, принадлежит Т.С. Пассек (Passek 1935). Накопление

богатого материала позволило более детально разработать классификацию и типологию керамики данной группы (Мовша 1983; 1988: 84-110; Круц, Рижов 1985: 47-53; Шумова 1985; Рижов 1990; 1993а: 55-58; Шмаглій, Відейко 1987; Круц, Відейко 1991; Відейко 1991: 11-12).

По технико-технологическим, морфологическим, стилистическим признакам керамика делится на три категории: тарную, кухонную и столовую. Предметом нашего исследования будет столовая посуда, украшенная росписью. При изготовлении столовой керамики применялись глины карбонатно-глинистого состава с незначительным содержанием гидрослюдистого материала, пластичные глины каолинового типа, «жирные» глины, богатые соединениями железа («красные»), мергелистые варианты глин. Для лепки сосудов употреблялись многокомпонентные формовочные массы разновидных глин и отошающего материала. Особенностью столовой керамики томашовской группы является примесь в тесте значительного количества песка, кварца, чужеродных по отношению к основной массе, глинистых пород (шамот). Незначительным количеством представлена керамика из тонкодисперсной массы. При формовке сосудов применялась лепная техника и, видимо, как корректирующие способы окончательной обработки корпуса, лекала и медленные поворотные устройства. Только небольшие кубки и миски выдавливались из одного куска глины. Начиналась формовка двумя способами: на глиняный диск

Рис. 1. Карта памятников трипольской культуры этапов В II-С I (I — шипецкая группа, II — петренская группа, III — памятники городищенского и немировского типов, IV — чечельницкая группа, V — небелевская группа, VI — томашовская группа).

наращивались кольцевым налепом стенки или из куса (жгута) глины делалось не только основание, но и придонные стенки будущего сосуда (по А.А. Бобринскому донный или емкостный и донно-емкостный начинны). Первый способ использовался при формовке мисок, биконических и грушевидных сосудов, кратеров, горшков, а второй — полусферических мисок, некоторых кубков и небольших биконических сосудов. При лепке части кубков, биконических и кратеровидных сосудов фиксируем, не раз уже упоминавшийся в литературе, способ формовки из двух-трех объемных усеченно-конических частей — верхней и нижней. Чтобы избежать деформации нижней части корпуса под весом верхней, иногда под плечиками сосуд опоясывался веревкой или лентой ткани (Чичирковозка, Майданецкое, Тальянки, Томашовка). Формовка частями и, особенно, прием опоясывания наблюдается только на посуде томашовской группы. Интересен также способ лепки ручек-ушек, которые на томашовских сосудах, как правило, вдавливались в корпус. Сосуды закрытых форм с внешней (миски с внутренней) стороны полностью или только в верхней части покрывались тонким слоем ангоба. Сырьем для ангобов служили высококачественные («белые») каолинитового типа карбонатные или «ожелезненные» глины без штучных примесей, отличающиеся от основного теста не только составом, но и тщательностью обработки. Поверхность ангоба покрывалась краской (фон) от светло-желтого до буро-красного цветов. Окраска делалась, чаще всего, спо-

собом обмазывания, реже сосуды обливались краской или окунались в нее. Иногда на томашовской посуде наблюдаем небрежное лощение поверхности. По красочному фону наносилась монохромная роспись черной или темно-коричневой минеральной краской. Изредка на поселениях встречались сосуды с бирюзовым узором, когда основной декор дополнительно украшался белыми тонкими линиями либо рядами точек. Часть столовой керамики была ангобирована, окрашена и даже подлощена, но не имела росписи. Некоторые расписные сосуды внутри окрашивались охрой — еще один специфический признак томашевской керамики. Отдельные экземпляры столовой посуды ангобировались и расписывались, но составом теста более походили на формовочную массу кухонной керамики. Таким образом, наблюдается заимствование некоторых технологических приемов, характерных для изготовления кухонной посуды. Такие сосуды также встречается в керамике томашовских поселений. Обжиг сосудов равномерный, осуществлялся в оксидационном режиме, при температуре 900-1000 °С. Столовая посуда на томашовских поселениях доминирует и, в зависимости от фазы развития памятников группы, составляет от 90-92% до 97-99%.

Столовая керамика по форме разделяется на 11 типов, которые, в свою очередь, можно расчлнить на подтипы, варианты и подварианты (рис. 2). Наибольшим количеством представлены миски (около 33% от столовой посуды), что объясняется, прежде всего, легкостью их

распознавания по фрагментам, тогда как определение других типов по фрагментам затруднено. Среди мисок доминируют усеченно-конические (1-й подтип). В рамках данного подтипа количественно преобладают сосуды первого варианта, среди которых чаще встречаются миски первого и второго подвариантов. Миски третьего-пятого подвариантов являются характерными для томашовской посуды. Распространены также миски второго варианта, особенно второго подварианта — высокие, с чуть вдавленными стенками и утолщенным, горизонтально срезанным, венчиком. Меньше сосудов третьего варианта (чуть выпуклые стенки), причем первый подвариант доминирует.

Единичными экземплярами представлены миски с зооморфными или коническими («рожки») налепами (4-й вариант). Реже встречаются миски второго подтипа (полусферические). Преобладают миски первого варианта, а среди них первого и второго подвариантов. Остальные подварианты фиксируются редко. Мало сосудов и второго варианта. Более разнообразны миски третьего варианта, с зооморфным налепом. Третий подтип (с S-видным профилем) найден только на некоторых поселениях. Следующий, четвертый подтип, т.е. биконические миски с горизонтально размещенным венчиком (часто имеют зооналеп) являются исключительно «томашовской» формой. Получают

ФОРМЫ СТОЛОВОЙ КЕРАМИКИ																															
Тип	Подтип	Подварианты		1	2	3	4	1	2	3	4																				
		1	2																												
МИСКИ	1	1	1					БИКОНИЧЕСКИЕ	1	1	1	1																			
				2	1	1							ГОРШКИ	10	1	1															
							3										1	1					1	1	1						
																			4	1	1					1	1	1			
																						5							1	1	
	2	1	1					СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ	1	1	1	1																			
				2	1	1							1	1	1																
							3									1	1					1	1	1							
	3	1	1					КРАТЕРОВИДНЫЕ	1	1	1	1																			
				4	1	1							1	1	1																
							5									1	1					1	1	1							
	4	1	1					АМФОРЫ	1	1	1	1																			
				5	1	1							1	1	1																
							6									1	1					1	1	1							
	5	1	1					КРАТЕРЫ	1	1	1	1																			
6				1	1								1	1	1																
						7	1									1					1	1	1								
6	1	1					КРАТЕРОВИДНЫЕ	1	1	1	1																				
			7	1	1							1	1	1																	
						8									1	1					1	1	1								
7	1	1					АМФОРЫ	1	1	1	1																				
			8	1	1							1	1	1																	
						9									1	1					1	1	1								
8	1	1					КРАТЕРОВИДНЫЕ	1	1	1	1																				
			9	1	1							1	1	1																	
						10									1	1					1	1	1								
КЮБИКИ	1	1					КРАТЕРОВИДНЫЕ	1	1	1	1																				
			2	1	1							1	1	1																	
						3									1	1					1	1	1								
																	4	1	1					1	1	1					
2	1	1					КРАТЕРОВИДНЫЕ	1	1	1	1																				
			2	1	1							1	1	1																	
						3									1	1					1	1	1								
МИНИАТЮРНЫЕ СОСУДЫ																															
УНИКАЛЬНЫЕ ФОРМЫ																															

Рис.2. Типология форм столовой керамики.

Вариации	Схемы	1	2	3	4	5	6	7
		УПРОЩЕННО-ЛИНЕЙНАЯ СУБВАРИАЦИИ	КОМЕТОВИДНАЯ	ДВОЕННЫХ ОВАЛОВ	КРЕСТО- ВИДНАЯ	ПЕРЕСЕЧЕННЫХ ВОЛНОВИДН.ДУГ	ФЕСТОННАЯ	КОНЦЕНТРИЧ. КРУГОВ
1								
2								
3								
4								
5								
6								
7								

Рис.3. Типология орнаментации столовых мисок.

распространение миски с перегородкой (6-й подтип). Отдельными экземплярами представлены сосуды седьмого (черпаки), восьмого (прямоугольные в плане), девятого (овальные в плане) и десятого («цедилки») подтипов.

В росписи мисок выделено несколько орнаментальных схем, которые разделяются на вариации и субвариации (рис. 3). Расписыва-

лись миски только изнутри и исключительно первого и второго подтипов. Усеченно-конические миски украшались чаще всего кометовидной схемой. Преобладает (около 40%) узор второй вариации, где композицию составляют дуги-ленты, заполненные тонкими параллельными линиями. Часто ленты заняты рядами штрихов, пунктиром, отрезками «сетки», крестами, вол-

нистыми линиями, зигзагом. Иногда поля лент остаются без узора. Как правило, дуги-ленты у центра миски заканчиваются закрашенными полуovalами с «ресничками» на концах. Такой орнамент наиболее характерен для томашовской посуды. Реже встречается в росписи та же кометовидная схема, но выполненная в первой вариации — дуги рисовались двумя-тремя широкими линиями, или тонкие ленты заняты короткими штрихами, «сеткой». Несколько мисок имели третью вариацию схемы, когда дуги не заходят одна за другую, а направлены одна против другой. В четвертой вариации росписи дуги-ленты закомпонованы так, что узор становится похожим на схему сдвоенных овалов, т.е. имеем пример смещения («наложения») орнаментальных схем. Часто основная кометовидная схема дополнялась S-видной линией, овалами с «сеткой», закрашенными кругами, короткими штрихами, рисунками креста и «древа мирового». Есть также узоры, где кометовидная схема объединялась с крестовидной или фестонной схемами. Так же часто, как и предыдущая, в росписи мисок применялась упрощенно-линейная схема. Наиболее распространена была первая вариация — по краю венчика проходит ряд мелких треугольников, штрихов, групп косых линий, «ресничек», закрашенных мелких полуovalов. Часто на мисках встречаем одну или группу точек (2-я вариация), овал с «сеткой» (3-я вариация), сегменты, «лесенку», и только изредка крест, «звезду», антропо- или зооморфные изображения (4-7 вариации). Украшались миски, хотя и реже, схемой сдвоенных овалов. Схема, в равной мере, рисовалась как в первой (широкие линии), так и во второй (дуги-ленты) вариациях. В последнем случае поля лент оставались без рисунка или заполнялись тонкими параллельными линиями, рядами «сетки», штрихами. Реже встречается третья вариация, когда дуги, сходясь под углом в центре миски, не сливаются, а переходят в широкие полосы, которые образуют «негативные» (фон) овалы. В четвертой вариации от сомкнувшихся дуг отходят волнистые линии. Иногда основная композиция объединяется с крестовидной и фестонной схемами или дополнена декоративными элементами — S-видными линиями, овалами с «сеткой», закрашенными кругами и треугольниками, волнистыми лентами, косыми штрихами. В орнаменте мисок присутствует также крестовидная схема, преимущественно первой вариации, выполненная широкими полосами, лентами тонких линий, рядами штрихов, пунктиром. Интересен рисунок второй вариации — изображения «древа мирового» закомпонованы в крестовидную композицию. Зафиксирован декор третьей вариации в виде восьмилучевой «звезды». Построением рисунка похожей на крестовидную схему является схема пересеченных волновидных дуг, которая наблюдается, в

основном, на томашовских мисках. Часть сосудов была украшена фестонной схемой — рисунок исполнялся закрашенными полуovalами, широкими полосами, лентами тонких линий. Только на томашовских мисках фиксируется схема концентрических кругов, как первой, так и второй вариаций. Орнамент полусферических мисок менее разнообразен. Для них господствующей схемой выступает упрощенно-линейная. Она представлена всеми, кроме седьмой, вариациями. Особенно интересны узоры, когда поле миски занято хаотично расположенными овалами с «сеткой» или отрезками «лесенки». Такой рисунок встречается исключительно в томашовской орнаментации. Распространены также фестонная и крестовидная схемы всех вариаций. Схемы сдвоенных овалов и кометовидная редки и представлены в упрощенном виде. Только в единственном экземпляре зафиксирована на полусферической миске схема концентрических кругов.

Орнамент керамики закрытых форм занимал верхнюю часть корпуса сосудов и компоновался в один узкий пояс или, реже, в два фриза. При двуфризовой росписи применялись либо одинаковые схемы, либо разные в верхнем и нижнем орнаментальном поясах. В целом, выделяется 12 схем¹. Среди этих схем определяются основные (метопная, меандровая, фестонная) и производные (листовидная, сегментовидная). Некоторыми схемами украшались практически все типы сосудов, другими декорировались лишь определенные типы или даже конкретный сосуд (рис. 4-6).

В материалах поселений группы хорошо представлен тип кубков (около 19%), который разделяется на два подтипа. К первому относятся небольшие сосуды биконической формы с отогнутыми наружу, вертикальными, наклонными внутрь (1-4 варианты) венчиками. Данный подтип присущ только томашовской керамике. Второй подтип — относительно крупные, тонкостенные сосуды с остросереберными или чуть округлыми плечиками и вогнуто-цилиндрической (гиперболоидной) горловиной. Иногда они имеют одну петельчатую ручку. Орнаментация кубков первого и второго подтипов различается. Первый украшался исключительно упрощенно-линейной схемой, преимущественно первой вариации. Редко встречалась вторая (ряд треугольников) и третья («сетка») вариации. Роспись второго подтипа разнообразнее. Более половины таких кубков декорировались метопной схемой, преимущественно первой вариации, второй субвариации — узор включает метопы, заполненные наклонными волнистыми лентами, и триглиф в виде верти-

¹ Наряду с традиционными терминами, определяющими различные виды орнамента, в статье предлагаются достаточно условные названия схем, передающие основные декоративные элементы композиций.

СХЕМЫ	1	2	3	4
ВАРИАЦИИ	УПРОЩЕННО-ЛИНЕЙНАЯ	МЕТОПНАЯ	ЛИЦЕВАЯ	СЕГМЕНТОВИДНАЯ
1				
2				
3				
4				
5				

Рис.4. Типология орнаментации столовых сосудов.

кальной узкой ленты из тонких линий, «сетки», или его поле занято закрашенными полуовами, между которыми вписаны ряд штрихов, пунктирная линия, «лесенка», овал с «сеткой», крест, изображение «древа мирового». Часто поле метоп заполняли фестоны (2-я вариация). Треть кубков орнаментировались листовидной схемой, чаще всего второй вариации. Такой узор, как правило, имел верхний фриз — упрощенно-линейную или ту же листовидную схемы. Фиксируется в орнаменте и упро-

щенно-линейная схема первой вариации, хотя изредка встречается вторая и третья вариации. Незначительное количество кубков расписывалось сегментовидной схемой, исключительно первой вариации. Данная схема применялась в орнаментации кубков с петельчатой ручкой.

Основное место в керамическом комплексе принадлежит биконическим сосудам (21%). Широко представлены сосуды первого подтипа, особенно второго (острореберные, призе-

СХЕМЫ ВАРИАЦИИ	5 ТАНГЕНТЕН- КРАЙСВАНД	6 ТАНГЕНТНАЯ	7 СОВИНЫЙ ЛИК	8 ВОЛНОВИДНАЯ
1				
2				
3				
4				
5				

Рис.5. Типология орнаментации столовых сосудов (продолжение).

мистые) и третьего (с высокими плечиками) вариантов. Реже встречается второй подтип — крупные сосуды с широкой горловиной и ручками-ушками или коническими налечами под высоким прямым венчиком. Большинство (около 40%) биконических сосудов орнаментировались тангентной схемой. Фиксируются все вариации, но доминируют первая (тангентная дуга заканчивается полуволютой), третья (между тангентами вписаны овалы с «сетчатыми» сегментами), четвертая (тангенты с полуволютами или закрашенными кругами комбинируются с овалами с «сетчатыми» сегментами). Менее распространенной была вторая вариация, где между тангентами вписаны закрашенные круги, и крайне редко встречается пятая вариация — тангентная схема включена в метопную композицию. Схема исполнялась исключительно в узком фризе, при этом треть сосудов с данной схемой имеют верхний фриз — чаще упрощенно-линейная, крайне редко фестонная схемы росписи. Специфические зооморфные изображения и рисунки «древа мирового» являются характерными для тангентной схемы, а она сама выступает определяющей для томашовского орнамента. Почти четверть сосудов украшалась упрощенно-линейной схемой в узком поясе, который в редких случаях дополнялся верхним фризом. Чаще всего встречается вторая вариация, и в меньшей мере первая и третья. Последняя (фриз «сетки») иногда имела метопное построение. Нередко сосуды расписывались волютной схемой (более 12%), при этом первой вариацией декорировались только отдельные экземпляры. Схема компоновалась в широком фризе с однорядным (редко) или двухрядным узором. При двухрядном орнаменте иногда наблюдаем сочетание волют с тангентной или меандровой схемами. Сами же волюты, пересеченные кривой линией, присущи только декору томашовской керамики. Следующая схема в росписи — меандровая (9%), закомпонованная в один широкий фриз с однорядным (1-я вариация) или двухрядным (2-я вариация) узором. Иногда S-видные дуги объединяются с волютами. Достаточно часто применялась и фестонная схема (8%), преимущественно второй вариации (двухрядный пояс, рисунок широкими полосами или лентами тонких линий), хотя фиксируется также узкий фриз (1-я вариация), иногда разделенный на метопные зоны (3-я вариация). Реже сосуды орнаментировались схемой «тангентенкрайсбанд» (3%), практически только первой («классической») вариацией. Данная схема размещалась в широком поясе или в узком фризе, который всегда дополнялся верхним (упрощенно-линейная, фестонная схемы). Основная композиция изобилует второстепенными деталями декора: лентами тонких линий, отрезками «сетки», рядами «лесенки», закрашенными кругами и треугольниками, фе-

стонами, косыми крестами, изображениями «древа мирового». В пределах 1-2% представлена схема «совиный лик», выполненная в первой (широкие полосы) или второй (ленты тонких линий) вариациях. Несколько сосудов было расписано волновидной (1-я и 2-я вариации) и сегментовидной (1-я вариация) схемами. Биконические сосуды второго подтипа орнаментировались меньшим количеством схем. Наиболее употребляемыми были меандровая (1-я вариация) и волютная схемы. Значительно меньше в росписи фестонной схемы, преимущественно четвертой вариации — фестонные дуги комбинируются с эллипсами и полуовалами в тангентной компоновке. Отдельные сосуды несли сильно стилизованную лицевую схему и «классическую» композицию «тангентенкрайсбанд».

Сфероконические сосуды в томашовской керамике составляют около 10%. Преобладают сосуды второго варианта (с широкими округлыми плечиками), но на ранних памятниках фиксируется также первый вариант (небольшие, узкоплечие). Орнаментация сфероконических сосудов схожа с росписью биконических. Применялись в декоре те же схемы, но в ином количественном соотношении — меньше в орнаментации тангентной и упрощенно-линейной схем, а композиции «тангентенкрайсбанд», «совиный лик», и особенно меандровая, волютная схемы встречаются часто. К тому же, больше сосудов второго подтипа украшалось двуфризным орнаментом, где верхний пояс заполнялся не только упрощенно-линейной, но и метопной и фестонной схемами.

Характерным типом томашовской керамики является кратеровидный сосуд, в котором как бы совмещаются формы биконического сосуда и кратера. Выделяется два подтипа. Первый имеет усеченно-коническую горловину с перегибом к острореберным плечикам, а второй — чуть вдавленное в корпус высокое, вогнуто-цилиндрическое горло с плавно отогнутым венчиком. Последний бывает с одной петельчатой ручкой. Сосуды преимущественно орнаментировались тангентной схемой, и в первую очередь третьей и четвертой вариаций, где в центре рапорта находился овал с «сетчатыми» сегментами. Реже наблюдалась первая и вторая вариации упрощенно-линейной схемы. Пятая вариация зафиксирована только на одном сосуде, причем в бихромном исполнении. Достаточно часто применялась фестонная схема в узком фризе (3-я вариация). Встречалась схема «тангентенкрайсбанд», но только на сосудах первого подтипа. Зафиксированы в декоре сегментовидная схема, преимущественно первой, очень редко второй вариаций и упрощенно-линейная (2-3 вариации). Две последние схемы характерны для орнаментации сосудов с ручкой. Более половины сосудов данного типа украшались двуфризным узором,

чаще всего верхний пояс состоял из листовидной схемы второй вариации.

Тип амфор представлен незначительным количеством (4,5%). Выделяются приземистые с широкой горловиной и относительно узкогорлые с высокими острореберными плечиками. Ручки-ушки, как правило, вдавленные в корпус, размещены под венчиком. Амфоры расписывались лицевой схемой, чаще первой, реже вто-

рой (между овалами вписаны фестоны) и третьей (между овалами вписаны тангенты) вариациями. Известна только одна амфора (Тальянки), украшенная первой вариацией фестонной схемы.

Следующий тип — кратеры (5%). Это сосуды крупных размеров, с высокими округлыми плечиками и прямым венчиком (1-й подтип) или с широкими, чаще острореберными, пле-

СХЕМЫ \ ВАРИАЦИИ	9 МЕАНДРОВАЯ	10 ВОЛЮТНАЯ	11 ЛИСТОВИДНАЯ	12 ФЕСТОННАЯ
1				
2				
3				
4				
5				

Рис.6. Типология орнаментации столовых сосудов (продолжение).

чиками и плавно отогнутыми венчиками (2-й подтип). Последние иногда имеют одну ручку. Большой частью кратеры расписывались третьей вариацией листовидной схемы. Отдельные сосуды орнаментировались первыми вариациями меандровой и упрощенно-линейной схем. Как правило, кратеры имели роспись по венчику (верхний фриз) упрощенно-линейной (1-я вариация) или листовидной (2-3 вариации) схемами и, крайне редко, фестонной (1-я вариация).

Грушевидные сосуды (2,7%) в большинстве относятся ко второму подтипу — острореберные, с наклонным внутрь венчиком. Реже встречаются сосуды второго варианта первого подтипа (приземистые), а первый вариант (высокие, плавнопрофилированные с высоким венчиком) зафиксированы только на раннетомашовских памятниках. Единственный округлотелый сосуд с поселения у с. Сушковка можно отнести к третьему подтипу. Орнамент размещался в одном широком фризе. Почти половина сосудов украшена меандровой схемой (1-я вариация). Часто S-видные дуги сочетаются с лентами тонких линий, закрашенными кругами, «сеткой», серповидными фигурами. Следующая схема в декоре — сегментовидная, и только первой или второй вариаций. Такая схема известна лишь на томашовских грушевидных сосудах. Меньше имеем узор упрощенно-линейной схемы (1-я вариация). Встречается, хотя и редко, типично «томашовская» вторая вариация волютной схемы. Несколько сосудов расписано первой вариацией фестонной схемы и композицией «тангентенкрайсбанд» (1-я вариация).

Крышки малочисленны (менее 1%), но отличаются разнообразием форм. Выделяются три подтипа: ступковидные, шлемовидные, полусферические. Большинство крышек было без орнамента, и только некоторые шлемовидные имели роспись упрощенно-линейной схемы (1-я вариация).

Тип столовых горшков (2%) отличается деталями формы. Подавляющее большинство томашовских горшков принадлежит первому подтипу, преимущественно второго варианта (резкопрофилированные). Среди сосудов указанного варианта горшки на ножках (3-й подвариант) и «гутусы» (4-й подтип) встречаются редко, но именно они присущи только томашовской посуде. Сосудов первого варианта (плавнопрофилированные) значительно меньше, а горшки третьего (биконические) и четвертого (банковидные) подтипов представлены единицами. Орнамент горшков компоновался всегда в узком фризе. Почти все декорировались упрощенно-линейной схемой, чаще третьей, значительно реже первой и в одном случае четвертой вариациями. Часть сосудов была расписана первой вариацией фестонной схемы. Зафиксирован также узор тангентной схе-

мы исключительно третьей вариации.

Последний тип столовой керамики — биноклевидные сосуды (менее 1%), которые по форме чаш, оснований, центральных частей, а также по количеству и размещению переемычек, условно разделяются на два подтипа и несколько вариантов. Преобладают «бинокли» третьего варианта второго подтипа. Интересен сосуд, верхние чаши которого имеют дно (Майданецкое). Следует указать, что часть биноклевидных сосудов была без сквозного вертикального отверстия, т.е. или полностью «глухие», или с мелким углублением. На «биноклях» томашовской группы пока не обнаружена роспись.

К столовой посуде условно отнесены миниатюрные сосуды, как правило, повторяющие форму указанных выше типов, но без орнаментации. В керамических комплексах поселений имеются сосуды уникальной формы — кубок с кубовидным туловом, пустотелый зооморфный сосуд, неглубокая чаша на коническом основании, крупный полусферический сосуд с ручками-ушками, размещенными в два ряда в шахматном порядке. Некоторые из этих сосудов сохранили следы росписи.

Таким образом, для расписных мисок всех подтипов основное положение в декоре занимают кометовидная и упрощенно-линейная схемы (приблизительно по 41%). Значительно меньше мисок с композицией сдвоенных овалов (15%). Выделяется также крестовидный (включая схему пересекающихся волновидных дуг) узор, составляющий всего 1,5%. Остальные схемы на мисках представлены в пределах 0,3%-0,5%. Наиболее употребляемой (около 22%) в росписи всех сосудов закрытых форм была тангентная схема. Вторую по количеству позицию занимает упрощенно-линейная схема (18,2%). Достаточно широко представлены в декоре меандровая и волютная схемы, и чуть реже наблюдаем метопную, листовидную и лицевую (соответственно 12-10% и 9-8%). Фестонная схема занимает в орнаментации около 5%. Приблизительно по 1% приходится на сегментовидную схему и композиции «тангентенкрайсбанд», «совиный лик». Минимальное количество сосудов украшалось волновидной схемой. Часть столовой посуды (более 2%) была без орнаментации. В росписи сохраняется двурезное построение орнамента (менее 20%), но ограничено количество типов сосудов, где применялся такой узор. Типично томашовской орнаментацией являются вторая, третья и четвертая вариации упрощенно-линейной схемы, вторая и третья вариации сегментовидной схемы, полностью тангентная и частично (кроме 1-х вариаций) волютная, листовидная схемы, часть вариаций или субвариаций метопной, лицевой, фестонной, «тангентенкрайсбанд» схем. Особенность томашовской орнаментации состоит в том, что большинство узоров компоновалось как бы сжатыми по вертикали в узкий фриз.

Характерной чертой росписи являются специфические изображения зверей в так называемом «ленточном» стиле (Бибииков 1964: 5-7, Мовша 1972: 15) и значительное количество рисунков «древа мирового». В орнаментации прослеживаются две тенденции — с одной стороны рисунок упрощается к «чистой» схеме (часто в небрежном исполнении), а с другой — узор слишком перенасыщен («утяжелен») второстепенными декоративными элементами, которые, с эстетической точки зрения, свидетельствуют о некоторой деградации росписи. Особенностью томашовского орнамента является его «динамизм», т.е. способность быстро трансформироваться, объединяя несколько орнаментальных схем в одном узоре и развивая различные стили композиционного построения декора. Обращает внимание «томашовский» орнамент также в плане количественного роста и стилистического расширения (в семиотическом аспекте) знаковой системы (Ткачук 1990: 152-154, 1993: 93-94).

Памятники томашовской локально-хронологической группы прошли в своем развитии четыре фазы (Круц, Рижов 1985; Рижов 1985; 1990: 85-87). Соответственно фиксируются заметные перемены и в керамическом комплексе. Изменения в посуде (по фазам) проявляются в незначительной перестройке технико-технологических способов изготовления керамики; количественных изменениях в соотношениях тех или иных типов, вариантов и модификации некоторых сосудов; исчезновении (уменьшении) одних и появлении других орнаментальных схем или их трансформации. Для первой, ранней фазы характерна посуда, сохраняющая в форме и орнаменте традиции керамики памятников предшествующего времени, в частности небелевской локальной группы (этап VII) данного региона (Рижов 1987), но уже появляются практически все типы форм и орнаментальных схем, присущих томашовской посуде. Вторая и третья фазы представлены «классическими», полностью определившимися («устоявшимися») керамическими комплексами, а разница по фазам заключается только в том, что на второй посуде сохраняют, преимущественно в росписи, элементы посуды ранней фазы, а в керамике третьей уже появляются поздние формы и узоры. Четвертая, заключительная, фаза определяется унификацией посуды — уменьшается количество подтипов и вариантов форм, которые, в основном, становятся остросеребряными, а в росписи ведущую роль играют тангентные и метопные схемы, заключенные в узкий однофризовый декор. Непосредственной подосновой в процессе формирования томашовской группы выступают памятники второй (поздней) фазы небелевской локальной группы (Рижов 1993; 1999: 6-8, 11). Это заметно в керамике ранних томашовских поселений, которая унаследовала формы мисок на

ножках с выемками на венчике, биконических и зооморфных мисок, сфероконических сосудов, амфор, широкогорлых биконических сосудов, округлотелых кратеров, а в росписи «небелевские» орнаментальные схемы — меандровую, метопную, листовидную, сегментовидную, «совиный лик». В декоре мисок заимствованы схемы — кометовидная из лент тонких линий, концентрических кругов, крестовидная, фестонная, которые выполнялись лентами тонких линий. Следует отметить также распространение различных вариантов упрощенно-линейной схемы. Переняты были и компоновка рисунка в два фриза, особенно такая, где верхний пояс состоял из горизонтальных тонких линий. Указанные морфологические и стилистические черты, воспринятые от небелевской керамики, присутствуют на томашовской посуде в трансформированном виде, который уже отвечает томашовскому «стилю». Кроме посуды, которая продолжала предыдущие традиции, в керамике томашовских поселений представлены сосуды, декор которых не имеет местных корней. В первую очередь это тангентная схема, где дуги объединяются с волютами, закрашенными кругами (1 и 2 вариации). Такие узоры почти идентичны орнаменту посуды шипенецкой локальной группы, отличие же только в том, что томашовские заключены в узкий фриз. Очень напоминает шипенецкую роспись схема, включающая овалы с «сеткой» или «лесенкой» и вертикальную ленту из тонких линий — та же тангентная, но в метопной композиции. Если на небелевской керамике встречались отдельные элементы шипенецкого декора, то на томашовских сосудах имеем уже заимствования целых орнаментальных схем. Это относится к волютной схеме, которая в «томашовском» исполнении чаще всего комбинировалась в два фриза, а волюты пересекает наклонная полоса (2-5 вариации). Именно такой рисунок отличает томашовскую керамику и его появление можно считать рубежом, от которого начинается развитие томашовский стиль. На поздне томашовской керамике указанные схемы постепенно видоизменяются — происходит инверсия отдельных элементов рисунка. Еще один важный признак связывает томашовскую и шипенецкую орнаментации — бихромия в росписи (белая и черная краски). Такая бихромия присуща шипенецкой посуде, и в случае с томашовской керамикой имеем не только белую окантовку основного черного узора, а комплексное заимствование ряда орнаментальных схем, при этом прямые шипенецкие импорты на томашовских поселениях не зафиксированы. Таким образом, речь идет об органичном усвоении и дальнейшей трансформации на свой манер инокультурного декора. В томашовской посуде ощущается воздействие гончарных традиций еще одной синхронной локальной группы — чечельницкой. В отличие от

шипенецкого «импульса», который был воспринят раннетомашовской керамикой, и далее орнамент уже развивался по томашовским «канонам», чечельницкие влияния долговременны и их проявления достаточно многочисленны. Стилистические параллели прослеживаются в метопной (2, 3 вариации), волновидной (1-я вариация) и, реже, упрощенно-линейной (1-я вариация) схемах. Схожи также формы зооморфных мисок, мисок с перегородкой, некоторых острорезных кубков и грушевидных сосудов, шлемовидных крышек. О тесных контактах и взаимовлияниях, которые существовали между общинами памятников томашовской, чечельницкой, шипенецкой групп, городищенского типа, свидетельствует специфический, и этим показательный, тип посуды — «бинокли». Кроме общего совпадения формы их объединяет важная особенность — часть «биноклей» не имеет сквозного вертикального отверстия (Чичиркозовка, Тальянки, Майданецкое, Чечельник, Шипенцы Б, Лысогирка). Выразительно сходство форм уникальных кубков с кубовидным корпусом (Черкассов Сад II, Тальянки) и округлых в плане моделей жилищ (Черкассов Сад II, Попудня, Сушковка и др.). Относительно побужских памятников городищенского типа и сменивших их поселений Торкив, Рахны, Борисовка 2, Немиров-ур. Могилки, то в их керамике ощущаются томашовские и чечельницкие влияния (Гусев 1995: 155-158). На поселении Рахны Собоные, кроме томашовских и чечельницких «импортов», известны также сосуды, украшенные классической схемой «тангентенкрайсбанд», что указывает на связи с памятниками Поднепровья. Видимо, указанные выше памятники, находясь в контактной зоне, приобрели синкретический характер, при доминировании томашовского субстрата.

Традиционно томашовскую керамику сравнивают с посудой петренской локальной группы (Пассек 1949; Бибикив 1964; Мовша 1984а; Полищук 1989; Шумова 1986; Ткачук 1989), находя при этом много общих черт. Однако, как правило, сопоставлялись отдельные сосуды, часто одновременные, без учета детальной периодизации памятников и не отделяя, при этом, признаков, которые были обусловлены общим происхождением и единой хронологической позицией обеих групп. Можно указать на типичную петренскую схему «тангентенкрайсбанд», которая встречается только на раннетомашовских поселениях, но уже в несколько модифицированном виде. Элементы заимствования находим в росписи части мисок (схема сдвоенных овалов). На позднетомашовской посуде петренских влияний не ощущается, а указанные орнаментальные схемы перерождаются в типичный томашевский стиль. Более значительным было воздействие петренских гончарных традиций на развитие керамического комплекса чечельницкой группы, что хо-

рошо видно по заимствованию ряда технических приемов лепки, некоторых деталей формы, декоративных элементов в частности в росписи сосудов из Чечельника показательны, явно «петренского происхождения», зооморфные изображения в овалах (Косаківський 1993; 1994). В свою очередь, и в керамических комплексах петренских памятников наблюдаются влияния чечельницкой и томашовской традиций. На поселении Бернашовка 2, которое с Петренами и Главаном I, II относится к средней фазе петренской группы, найдены, кроме шипенецких «импортов», также «импорты» чечельницкие — реповидные (по терминологии В.И. Маркевича) сосуды, расписанные тангентно-метопными композициями (Колесников 1993: 29-30; Колесников, Ткачук 1993; Ткачук 1993: 122-123). О томашовском кубке на петренском поселении Пыржота сообщает В.М.Бикбаев (1992: 114). На более поздних петренских памятниках количество «импортов» возрастает. На поселении Липчаны-Сад (Шумова 1987; Збенович, Шумова 1989: 105) обнаружены сосуды, относящиеся ко второй-третьей фазам томашовской группы, а также кубки, формой и росписью аналогичные сосудам Чечельника. На другом позднепетренском поселении Варваровка VIII в керамике имеем орнаментальные мотивы, указывающие на томашовские и чечельницкие влияния (Маркевич 1981: рис. 24/1,5, 25/7). Даже далеко на запад от коренной территории, в керамике кукутенских памятников зафиксированы не только стилистические заимствования, но и отдельные вещи, происходящие из томашовской группы. На некоторых сосудах поселений Валень, Рома видим элементы декора, которые характерны томашовской росписи, а на поселении Тыргу Окна-Подей найден двойной кубок («близнец»), повторяющий форму сосуда из Россоховатки (Cucuş 1981: fig. 14/4; Popovici, Buzdugan, Alexoiaie 1992: pl. 16/1, 17/2, 18/5; Mătasă 1964). Известны также прямые «импорты» — острорезный кубок с листовидной схемой росписи (Хэнэшт-конюшни) и антропоморфные фигурки (Валень, Вад-Д.Гадио, Кукутень-Четэцуе, Фрумушика В2) на цилиндрических ножках и характерной прической (Crîşmaru 1970: 280, fig. 10/3; Cucuş 1981: fig. 2, 3, 7; Dumitroaia 1992: fig. 5/5; Schmidt 1932: fig. 32/6,7; Mătasă 1946: pl. LV/406). Интересным памятником при сравнении керамических комплексов различных локальных групп является Стена 1,4, который, видимо, можно считать одним поселением (Ткачук, Якубенко рукопись). Большинство исследователей его относят к поздней фазе петренской группы (Макаревич 1960: 23,32; Черныш 1982: 216; Мовша 1984а: 20; Якубенко 1990: 23). Петренские черты прослеживаются в бихромной черно-красной росписи, в схемах «тангентенкрайсбанд», «совиный лик», частично лицевой, метопной, меандровой, а для ми-

сок в крестовидной и сдвоенных овалов. Петренские корни имеют и зооморфные рисунки. Кроме петренского, в Стене 1,4 явно прослеживается томашовский компонент, что подтверждается большим количеством посуды, изготовленной не только на томашовских поселениях, но и по их образцам вылепленной на месте. Выделяются конические миски, миски на ножках, острорезные кубки с метопной схемой и характерным изображением «древа мирового» или упрощенно-линейным и листовидным узором, биконические и сфероконические сосуды с метопными и фестонными схемами, амфоры с «сеткой» в лицевых композициях, кратеры с волнистыми линиями в росписи венчиков, часть низких крышек. Привлекает внимание биконический сосуд с тангентной схемой, грушевидный сосуд второго варианта первого подтипа, фестонный рисунок на амфоре. На Стене 1,4 широко представлена также чечельницкая керамика — конические миски со своеобразной схемой сдвоенных овалов, кубки с листовидными или волновидными схемами, сфероконические и реповидные сосуды с метопно-тангентными, метопно-фестонными, реже упрощенно-линейными («сетка») композициями, горшки с широкими лентами-фестонами в узор. С поселения происходит известный сосуд (Макаревич 1960: рис. 2/1), который формой и орнаментом указывает на керамику Шипенцев Б (Ткачук 1989: 15). Чечельницкие «импорты» и подражания в значительном количестве обнаружены и на томашовских поселениях Доброводы, Чичиркозовка, Тальянки, особенно Майданецкое, что позволило говорить об инкорпорации пришлого чечельницкого населения в состав майданецких общин. Пришлой населению не создало в Майданецком отдельной компактной группы, а слилось с местными жителями (Відейко 1991а: 48-49). Иную картину наблюдаем с Стене 1,4, где на одном поселении сосуществуют, практически не утратившие своих этно-культурных черт, пред-

ставители различных, хотя и родственных, локальных групп. На относительно позднее время существования поселений Стена 1,4, Томашовка, Белый Камень указывают, видимо, «импортные» сосуды, аналогии которыми находим в керамике памятников типа Варваровка XV-Крутобородинцы I — миска, украшенная фестонами в крестовидной композиции, и сфероконический сосуд с бихромным дуговидным узором (Шмаглій, Відейко 1992: рис. 6/2,11), сосуд, орнаментированный в нижнем поясе дугами-лентами из тонких линий, а в верхнем фризе фестонами (Курінний 1927). Некоторые элементы орнаментации, которые в дальнейшем получают развитие в посуде поселений типа Варваровка XV, наблюдаются и на сосудах чечельницких памятников (Косаківський 1993: 149, рис. 9/2, Маркевич 1981: 32, рис. 35/3,12). Возможно, от чечельницкой керамики перенято было построение орнаментального фриза в виде метоп с «лесенками» и волнообразными дугами в сочетании с овалами, которые в несколько измененном исполнении, появляются в Варваровке XV (Маркевич 1981: 31, рис. 34/14,16,17). Как отголосок контактов с позднетомашовскими и позднешипенецкими племенами на посуде Варваровки XV возникают своеобразные изображения «древа мирового», не имевшие местных традиций в орнаментике (Маркевич 1981: 31, рис.34/3).

Материалы Варваровки XV и указанные выше стилистические параллели с томашовской и чечельницкой керамикой важны тем, что в это период происходят сложные исторические процессы, когда одновременно с возникновением новых локальных объединений, на периферии доживают, а затем сходят с исторической арены, исчезая вовсе (томашовская, чечельницкая группы) или трансформируясь (петренская, шипенецкая группы), рождаются кардинально новые этно-территориальные образования, знаменуя, тем самым, поворот к позднему Триполью (этап CII-γII).

ЛИТЕРАТУРА

- Беляшевский Н.Ф. 1900. Раскопки на месте неолитического поселения с керамикой домикенского типа. // АЛЮР. Т. II. К.
- Бибиков С.Н. 1964. О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен. // Тр. VII междунар. конгр. анропол. и этнограф. наук. М.
- Бикбаев В.М. 1992. Исследование поселения культуры Кукутень-Триполье Главан I. // МИАЭМ. Кишинев.
- Відейко М.Ю. 1991. Дослідження пізньотрипольського поселення Тальне-3. // АДУ у 1990р. К.
- Відейко М.Ю. 1991а. О составе населения крупного трипольского поселения Майданецкое. // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.-V в. н.э.). // Тез. док. конф. К.
- Відейко М.Ю. 1992. Економіка та суспільний лад трипольського населення Південного Побужжя (етапи VII-CI). // Автореф. дис. ... канд. істор. наук. К.
- Гусев С.О. 1995. Трипольська культура Середнього Побужжя рубежу IV-III тис. до н.е. Вінниця.
- Доманицкий В.Н. 1899. Площадки с расписными сосудами в Звенигородском и Уманском уездах. // АЛЮР. Т. I. К.
- Доманицкий В.Н. 1901. Раскопки на месте поселения с керамикой домикенского типа у с. Колодистого. // АЛЮР. Т. III. К.
- Долинский А.Л. 1904. Археологические разведки в Звенигородском уезде Киевской губернии. // АЛЮР. Т. VI. К.
- Збенович В.Г., Шумова В.А. 1989. Трипольская культура Среднего Поднепровья в свете новых исследований. // Первобытная археология. Материалы и исследования. К.

- Козловська В. 1926. Точки трипільської культури біля с. Сушківка на Гуманщині (розкопки року 1916). / Трипільська культура України. Вип.1. К.
- Козловська В. 1927. Розкопки біля с. Сушківки на Гуманщині. // КЗ ВУАК за 1926 рік. К.
- Козловська В. 1931. З науково-дослідчої роботи комісії ВУАК-у для вивчення трипільської культури. // Хроніка археології та мистецтва. №.3. К.
- Колесников А.Г. 1991. О работе Днестровской экспедиции.// АДУ у 1990р.К.
- Колесников О.Г., Ткачук Т.М. 1993. До питання мікрохронології трипільських поселень (на матеріалах Бернашівського поселення етапу VII-g1). // Подільська старовина. Вінниця.
- Косаківський В.А. 1993. Пізньотрипільське поселення Чечельник на Побужжі. // Подільська старовина. Вінниця.
- Косаківський В.А. 1994. Зображення тварин на кераміці трипільського поселення Чечельник. // Подільська старовина. Вінниця.
- Круц В.А. 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра. // Первобытная археология. Материалы и исследования. К.
- Круц В.О., Рыжов С.М. 1985. Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи. // Археологія. Вип. 51. К.
- Круц В.А., Відейко М.Ю. 1991. Раскопки Тальянковского отряда Трипольской экспедиции. // АДУ у 1990 р. К.
- Курінний П. 1926. Розкопки біля с.Томашівка. // КЗ ВУАК року 1925. К.
- Курінний П. 1927. Розкопки біля с.Томашівка на Гуманщині. // КЗ ВУАК за 1926 рік. К.
- Макаревич М.Л. 1960. Исследования в районе с. Стена на Среднем Днестре. // КСИА АН УССР. № 10. К.
- Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
- Мовша Т.Г. 1972. Періодизація і хронологія середнього та пізнього Трипілья. // Археологія. Вип. 5 К.
- Мовша Т.Г. 1980. О расселении племен культур Триполья-Кукутени в среднем и в начале позднего периодов. // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 г.г. Тез. док. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск.
- Мовша Т.Г. 1983. Доброводы — крупное поселение трипольско-кукутенской общности на Буго-Днепровском междуречье. // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. Тез док. конф. М.
- Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе. // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск.
- Мовша Т.Г. 1984а. Петренська регіональна група трипільської культури. // Археологія. Вип. 45. К.
- Мовша Т.Г. 1985. Средний этап трипольской культуры. Поздний этап трипольской культуры. // Археология Украинской ССР. Т.1. К.
- Мовша Т.Г. 1988. Томашевская локальная группа Трипольско-кукутенской общности. // SP. № 9. Sofia.
- Мовша Т.Г. 1989. Культуры Трипольско-кукутенской общности. // Проблемы истории та археології давнього населення Української ССР. Тез. доп. XX респуб. конф. К.
- Мовша Т.Г. 1990. Актуальные проблемы истории позднетрипольского населения Днестро-Днепровского междуречья. // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. док. I полев. семинара. Тальянки.
- Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. // МИА. № 10. М.
- Полищук Л.Ю. 1989. Памятники развитого Триполья. // Памятникитрипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Рижов С.М. 1985. Локально-хронологичне членування трипільськихпам'яток у Буго-Дніпровському межиріччі. // Тез. доп III Він. обл. істор.-краєзн. конф. Вінниця.
- Рижов С.М. 1987. Небелівська локально-хронологічна група в Буго-Дніпровському межиріччі (етапVII-C1 трипільської культури). Тез. доп. V Він. обл. істор.-краєзн. конф. Вінниця.
- Рижов С.М. 1987а. Про історичну долю пізньотрипільських племен томашівської групи на заключному етапі розвитку. // Тез. доп. VII Поділ. істор. краєзн. конф. Кам'янець-Подільський.
- Рыжов С.Н. 1990. Микрохронология трипольского поселения у с.Тальянки. // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. док I полев. семинара. Тальянки.
- Рижов С.М. 1993. Небелівська група пам'яток трипільської культури. // Археологія. № 3. К.
- Рижов С.М. 1993а. Керамічний комплекс пам'яток томашівської локальної групи трипільської культури. // Трипільська культура України (до 100-річчя відкриття). Тез. доп. і повідом. міжнар. конф. Львів.
- Рижов С.М. 1999. Кераміка поселень трипільської культури Буго-Дніпровського межиріччя як історичне джерело. // Автореф. дис. ... канд. істор. наук. К.
- Спицин А.А. 1904. Раскопки глиняных площадок близ с. Колодистого Киевской губернии. // Изв. ИАК. Вып. 12. С-Пб.
- Ткачук Т.М. 1989. Контакти населення Середнього Подністров'я в енеоліті. // Тез. доп. VIII Він. обл. істор.-краєзн. конф. Вінниця.
- Ткачук Т.М. 1990. Орнаментація посудів из трипольских поселений Тальянки и Майданецкое (знаковый аспект проблемы). // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тез. док. I полев. семинара. Тальянки.
- Ткачук Т.М. 1993. Кераміка из площади 6 в Бернашовке. // АДУ у 1991 р. К.
- Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. // Энеолит СССР. М.
- Шмаглій М.М., Відейко М.Ю. 1987. Пізньотрипільське поселення поблизу с. Майданецького на Черкащині. // Археологія. Вип. 60.К.
- Шмаглій М.М., Відейко М.Ю. 1992. Трипільські поселення на Черкащині. // Археологія. № 3. К.
- Шумова В.О. 1985. Про одну з категорій кераміки пізньотрипільських пам'яток межиріччя Південного Бугу та Дніпра. // Тез. доп. III Вінницька обл. істор.-краєзн. конф. Вінниця.
- Шумова В.А. 1986. К проблеме взаимосвязей петренской и томашовской локальных групп Триполья. // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. док. III конф. молод. учен. ИА АН СССР. М.
- Шумова В.А. 1987. Трипольское поселение у с.Липчаны. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тез. науч. конф. К.
- Якимович М.К. 1909. Раскопки в с.Старой Буде.//Отчет ИАК за 1906 г. С-Пб.
- Якимович М.К. 1910. Раскопки в с.Старой Буде.//Отчет ИАК за 1910 г. С-Пб.

- Якубенко О.О. 1990. Пізньотрипільське поселення Стіна 1 на Середньому Дністрі. // Тез. док. VIII Поділ. істор.-краєзнє конф. Кам'янець-Подільський.
- Cucoș Șt. 1981. Săpăturile de la Văleni-Piatra Neamț (1974-1975). // MA.T.VI-VIII.
- Crîșmaru A. 1970. Contribuții la cunoașterea neoliticului împrejurimile Savenilor (jud. Botoșani). // SCIV № 2 (T. 21).
- Dumitroaia G. 1992. Materiale și cercetări arheologice din nord-estul județului Neamț // MA. T. XVIII.
- Mătasă C. 1946. Frumusica village préhistorique a céramique peint dans la Moldavie du Nord Roumanie. București.
- Mătasă C. 1964. Așezarea eneolitică Cucuteni B de la Tîrgu Ocna-Podei. // MA.T. II-III.
- Passek T. 1935. La céramique Tripolienne. // ИГАИМК. Вып. 122.
- Popovici D., Buzdugan C., Alexoiaie I. 1992. Așezarea cucuteniană de la «Balta lui Ciobanu», comuna Roma, județ Botoșani. // Cercetări Arheologice. T. IX. Jasi-Radati.